«Умник», - прохрипела она и больше ничего не могла сказать.

Люк лежал на боку на койке, все еще обдумывая новое направление, Республика - без дальнейшего кровопролития. И это даст каждому члену Альянса возможность действовать так, как диктует их совесть; возможность поддержать Лею и политическую силу для перемен; воспользоваться этим шансом на мир. Но для этого Лея должна была оставаться без связи с Люком, иначе ее доверие среди тех, у кого она уже так много просила, было потеряно. Все с самого начала увидели бы в этом просто имперский заговор; воспринимайте Лею как растение, которое всегда работало для достижения этой цели.

Но если бы она сделала, как он просил, и никому не сказала ... он хотел бы, чтобы у него было больше времени, чтобы объяснить - но тогда ему нужно было бы все раскрыть, и сейчас не время и не место, чтобы пытаться убедить ее в его долгосрочные намерения. Конечно, он не ожидал, что все согласятся; но остались бы экстремисты, те, кто был настолько рьяным, что никогда не согласился бы на перемирие ни в какой форме, - и именно здесь появился Мадин, готовый для них упорный воин. Люк давал им выбор, но это был выбор либо - либо; поддержать мирное решение или осознать, насколько радикальной была альтернатива.

Потому что что бы там ни оставалось, во главе с Мадином это была бы поистине мятежная фракция, значительно уменьшившееся и агрессивно радикальное меньшинство, которое вскоре подвергнется маргинализации и остракизму. Неудобная анархическая крайность, существовавшая на окраинах любого беспристрастного общества; цена истинной свободы. Но сначала, конечно, ему нужно было подтолкнуть Лею и ее сторонников к этой политической позиции в глазах остальной галактики - а это было немного сложно сделать изнутри ячейки повстанцев.

Люк мог разделить Альянс, он знал, что сможет; он уже продвинул его так далеко по этому пути, что потребуется лишь малейший толчок, а события прошлой недели вряд ли были такими. На самом деле проблема может заключаться в том, чтобы удержать их в достаточном количестве через предстоящие изменения. Но Лея была умной и смекалистой; он полностью верил в ее способность удержать то, что стоило спасти; он всегда был.

То, что он искал сейчас, было другой стороной этого плана, единственной вещью, в которой он всегда нуждался; что-то объединяющее Империю, общественное, политическое и военное.

Что-то, что могло бы объединить их всех в одно, позволяя ему направить все это внимание туда, куда он выбрал. Слишком много осталось от его старого Учителя, формирующего мысли и представления людей, и ему пришлось отодвинуть это от тоталитаризма, от Империи и Альянса, которые постоянно конфликтовали. Без этого единого объединяющего элемента он не смог бы двигаться вперед, он знал это, поэтому он давно искал что-то, что могло бы объединить Империю в единый разум, единое согласие; что-то для них, чтобы собраться позади.

Теперь события настигли его - он слегка улыбнулся на это; его старый Учитель бесконечно критиковал и высмеивал его за то, что он «позволил» это.

Пришло время исправить эту ошибку; то, что он должен был сделать это отсюда, было не идеально, но это было все, что у него было, и хотя у него не было возможности повлиять или изменить позицию Леи прямо сейчас, он внезапно обнаружил, что имеет доступ к противоположной стороне этого уравнения; Мадин. Мадин; динозавр; реликт из прошлого, которому, как и Палпатину, не было реального места в будущем, задуманном Люком.

Что делало его пешкой для Люка. И да, прямо сейчас Мадин держал все карты на руках, но,

несмотря на последние полтора года, Люк привык быть аутсайдером, привык действовать с этой позиции, все, за что можно было бы играть, и не было возможности отступить, если что-то пойдет не так; еще один урок, хорошо преподанный его старым Учителем.

Это Палпатин лучше всего резюмировал, когда сказал, что за что-нибудь стоящее приходится платить; что первое, чем нужно быть готовым пожертвовать ради истинной цели, - это самим собой.

Из-за Палпатина у Люка, как всегда, была единственная карта, которую его противник, казалось, всегда не хотел разыгрывать. Он так долго жил так, что это было комфортно, как в компании старого друга; знакомое жужжание, обострение чувств, обостренная решимость. Он не боялся умереть - как бы странно это ни звучало, на самом деле это не так;

Палпатин научил его этому с помощью своих бесконечных, мучительных игр - но будь он проклят, если он сделает это на чужих условиях. Каким бы динозавром он ни был, Мадин, несомненно, был мастером-стратегом, способным составлять планы на месяцы вперед, организовывать отдельные операции или огромные кампании до n-й степени. Но Люк не стал бы драться с ним на таких условиях. Не удалось; не здесь и сейчас. Мадин уже не раз позволял Люку тонко формировать игру; установить правила, заставить драться на его условиях.

И эти термины были «все или ничего», близость, размышление на ногах - потому что здесь это все, что у него было. Уже, проведя с ним всего несколько дней, Люк знал, что у генерала вспыльчивый характер, а методичные, строгие планировщики с вспыльчивым характером не преуспели в этом; в пылу мгновения, вынужденные думать на ногах, они имели тенденцию эффектно трескаться.

Мадин может быть главным стратегом, которому предоставлено время для планирования, способного продумать и подготовиться к сотне возможных сценариев, но Люк был готов поспорить, что, если он сможет придумать что-то необычное, Мадин не получит немедленного ответа. Как и в случае с Палпатином, Люк знал, что у него есть только одна фишка; сам.

Но он слишком хорошо знал, как играть в эту игру; он знал, как выдержать эти удары, а затем настроить их против агрессора. Все или ничего; это был единственный способ играть в игру. Правда заключалась в том, что в тот момент, когда Мадин схватил его, Люк был мертв.

Его жизнь была уже проиграна. Он вспомнил с предельной ясностью, даже сейчас, видение - тот пустой пузырь, который держался вокруг него там, где Силы не существовало; в нем он сам и семеро мужчин, бластерные винтовки держались на уровне плеч, безошибочно нацеленные.

Вспомнил крик, чтобы стрелять; ярость, которая его питала, вспомнила, как дернулась в шоке, когда слово превратилось в действие, и все разбилось и лопнуло. Вспомнил слова Мадина, когда он впервые вошел в эту камеру; «… Тогда этот маленький человечек станет смертью Императора, потому что все закончится только одним способом: что бы ни случилось, ты умрешь».

В прошлый раз, в камере, столь похожей на эту с Палпатином, Люк потерпел неудачу - он упал. Он снова услышал слова Палпатина, сказанные с такой дразнящей провокацией в этой камере: «Чего вы боитесь, джедай? Что вы видите в темноте, когда приходят ваши демоны?»

Возмущенный, взволнованный и находящийся на грани разума, Люк обратил вопрос к своему мучителю, шипя призывом, отчаянно пытаясь ранить, хотя бы словами; с проницательностью - « Я знаю, что вы видите в темноте, потому что это горит, когда вы смотрите мне в глаза. Я знаю, что вы видите в темноте, когда приходит ваш демон … Я знаю, что это я». Люк не

признал и никогда бы не доставил Палпатину удовлетворения, узнав, что он увидел, когда его собственные кошмары слились с видениями, освещенными Силой.

То, что он понял уже тогда; что он увидел в темноте, когда его собственный демон завыл ... В прошлый раз победил Палпатин; Люк знал это - но только после того, как у него действительно не было другого выбора. В прошлый раз им пришлось вынести его, потому что они держали его и преследовали так долго, что он не мог ходить. Еще неделя, и его бы вытащили в гробу.

На этот раз он не потерпит неудачу, потому что человек, которого они заперли в камере, был не тем, кто вышел из нее. На этот раз он чертовски хорошо уйдет отсюда. Все, каждый опыт, каждый камень преткновения могут быть полезны; даже его неудача. Даже это он превратился бы в силу.

Потому что Мадин не был Палпатином - он даже близко не был. Так же, как он был в Империи, он был головорезом, который связался с большим делом, и Люк был проклят, если бы он упал до этого - если бы он отдал все, что посвятил строительству. Все и вся, он использовал бы это... даже те мрачные времена с Палпатином дадут ему силы и проницательность, чтобы выстоять; даже те, из которых он наконец вытащит что-нибудь ценное, чтобы остановить Мадин.

И если бы ему пришлось, если все остальное не удалось ... он обратился бы к этому демону, ждущему в темноте. Взглянув на защитную линзу на стене, Люк медленно перевернулся на своей койке, цепочка на его теперь сильно покрытой волдырями лодыжке волочилась, и ее вес тянулся против его движения, когда он повернулся спиной к линзе.

Они не выключали свет с ночи перед визитом Леи, по-прежнему будили его каждые несколько часов и тащили к столу, чтобы привязать. Теперь, стоя спиной к объективу, Люк мог провести рукой между краем брезентовой койки, на которой он лежал, и тяжелой металлической рамой; все еще намагниченный к металлической раме, куда он вчера положил ее, был небольшой скремблер для защиты от наблюдения, который ему дала Лея.

Он не активировал его; это было слишком скоро после ее визита. Но он провел по ней пальцами, заверяя, что она все еще там. У него еще не было плана, Он понятия не имел, как долго он проспал, прежде чем дверь открылась с таким же пронзительным потоком воздуха.

Люка подняли, металлическая манжета на его щиколотке оставила на его коже новые вмятины под тяжестью цепи, когда они снова затащили его к столу, его руки прижали вниз, пока перемычка между ними не вошла в маленькую ствольную коробку, прикрепленную болтами. центр тяжелого стола.

На этот раз Мадин хладнокровно вошла, кивнув троим мужчинам, которые отступили на несколько шагов позади поля зрения Люка, когда еще двое заняли позиции по обе стороны от двери, один из них остановился, чтобы бросить третий жесткий стул в сторону. стола.

Мадин села, поставив перед собой диктофон на стол, а Люк без комментариев посмотрел на третий стул и снова повернулся к нему. Прошло много времени, прежде чем они заговорили, Мадин, наконец, сделал ход, но Люк не почувствовал острой необходимости продвигать допрос.

«Твоя...» Мадина взглянула в сторону, затем снова на Люка, « сторонница , похоже, не идет к тебе, как ты мог надеяться после ее небольшого визита... и здесь я держал вас всех в безопасности и здоровье». Люк хранил молчание, внутренне фиксируя тот факт, что его отношения с Леей не были общеизвестными даже здесь - но тогда почему он мог подумать хоть на мгновение, что Мадин захочет поделиться своим маленьким самородком силы?

Не то чтобы Люк жаловался; он хотел, чтобы это было тихо, как и Мадин, за исключением того, что Мадин в конце концов выкинет это; прямо сейчас это было не в его интересах, потому что знание - это сила, но наступило время, когда он мог получить больше, озвучивая факты, чем скрывая их. «Я ожидал, что она будет намного усерднее работать для тебя», - плавно продолжила Мадин. «Похоже, единственный человек, который держит тебя в живых, не выполняет свои обязательства. Это очень опасно ... для тебя.

В особенности с тех пор, как я пообещал, что у меня будет много доказательств для представления на следующем заседании Совета. указывают на то, что суд плавно перейдет к вердикту - возможно, даже к полному признанию ». Люк хранил молчание, все еще пытаясь представить себе, как пройдет этот конкретный сеанс, пока Мадин откинулся назад, небрежно напористый, руки сжали перед ним один кулак внутри другого. «Похоже, ты тоже был немного занят в последние несколько дней, распространяя слухи среди моих людей. Мне это не нравится». «Тэм» , - подумал Люк, полуулыбаясь, с рассеченной губой, все еще нежной. Вот почему он не вернулся. «Слухи, правда... тебе, Мадин, все равно, не так ли? Ты хоть раз в своей голове уже знаешь разницу? Неужели...»

Мадин с тяжелым стуком ударил обоих кулаками по столу , заставив Люка замолчать. «Нет, мы закончили с этими маленькими лекциями. С этого момента мы говорим о том, о чем я хочу поговорить, и ни о чем другом. С этого момента вы молчите, пока я не задам вам вопрос». Люк услышал шаги приближающихся сзади солдат и напрягся, хотя ничего не произошло.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. « Подход бесполезности ». - наконец сказал Люк, сохраняя спокойствие в голосе, осознавая, что линии рисуются. « Я могу сделать это очень неудобным для вас, и вы не можете меня остановить» - или как насчет угрозы «Это может закончиться только одним способом, так почему бы не облегчить себе жизнь» . метод, предполагая, что я не читал дюжину статей о его использовании в качестве метода допроса.

Но мы оба знаем, что это займет время, и с достаточным количеством всей Имперской армии, и я предполагаю довольно неожиданное количество лидеров Альянса на твоей спине ты производишь впечатление человека с жестким графиком ". «Что заставляет вас думать, что кто-то ищет вас, Империал или Альянс... кроме тела, конечно». «Серьезно? Вы хотите попробовать этот подход? Возможно, я бы руководил этим два дня назад, но попросить человека, которого, как вы сейчас утверждаете, считается мертвым, зачитать признание, явно полученное после того, как Квенн стала преступницей. небольшая оплошность. То же самое, что позволить лидеру вашего Альянса поговорить со мной ». Люк пусто улыбнулся, склонив голову набок: «... это все еще ваш Альянс, не так ли - они еще не выгнали вас?» «Я не говорил, что люди верят, что ты умер в Квенне. Я просто говорил, что мы можем убить тебя в любое время, когда захотим». «ISF; Повышенный стресс и страх. Вы хотите просмотреть список? Вы, вероятно, читали те же статьи о методах ведения допроса, которые есть у меня, когда вы были имперцем.

Мои будут немного более современными, но зная вас, я уверен, что вы держали руку на пульсе. Давайте рассмотрим их, не так ли? Прямой подход ; похоже, еще не работает, и поскольку я знаю, что если я действительно зачитаю ваше заявление, это моя смерть ордера, это маловероятно. Очевидно, вы не можете использовать стимулирующий подход по той же причине, и на самом деле эмоциональный подход явно не сработает.

Гордость и эго- стоит попробовать, если вам нужна эта информация, но вряд ли меня заставят рассказать вам что-нибудь, чтобы доказать свою ценность. Повышенный стресс и страх ? Я уверен, что вы до этого дойдете; у нас уже было несколько тестов воды. Методы депривации ... одно и то же, но мы оба знаем, что они займут больше времени, чем у вас, не так ли?

Установить ложную личность ? Не могу угрожать мне тем фактом, что вы подозреваете, что я кто-то выше и, следовательно, более ответственный, чем я на самом деле, так что это тупик. «Друг и враг» - я сейчас просто рассмеюсь, когда упомяну об этом, и это избавит вас от смущения попытки. Тихий подход ? Уже взорвали...

Я что-нибудь пропустил? " «Файл и досье». - холодно сказал Мадин, и Люк склонил голову. «Не нарочно, уверяю вас. Никакой психологической ошибки ... но не стесняйтесь попробовать». «Почему я не удивлен, что вы все это знаете». Мадин теперь тоже играл перед аудиторией солдат, разбросанных по комнате, но для него это была новая техника; для Люка выступление перед широкой аудиторией во время разговора с одним человеком было образом жизни. Поэтому он слегка пожал плечами, «Я читал. Я тоже читал о вас в имперских файлах. Вы читаете больше как... практический ученик».

"Я не боюсь запачкать руки из-за того, во что я верю, если вы это имеете в виду - в отличие от вас. Люк покачал головой. насильно, но на этот раз Люк даже не остановился: «Или они оба правдивы в твоей собственной голове? Все, что служит твоему...» Глаза Мадина метнулись в точку сразу за Люком, и сильный удар пришелся по его черепу сзади, сила отбросила его голову в сторону. Люк медленно выпрямился, у него кружилась голова от мучительного удара. Мадин невозмутимо смотрела, повернув голову в сторону: «Позвольте мне еще раз объяснить; больше никаких лекций, мы закончили с ними. Мы говорим о том, о чем я хочу поговорить, и ни о чем другом. Когда вы говорите, это потому, что вы отвечая на мой вопрос. Выйди за пределы этого правила, и случатся плохие вещи ".

«Старые игры». - сказал Люк, качая головой. "Это старые игры, Мадин. Я использовал их и использовал их на себе слишком много раз. Связывая меня каждый раз, когда вы входите, заставляя мужчин стоять вне поля моего зрения, не спать, заставляя меня сидеть здесь часами затем входит и молча смотрит. Я удивлен, что вы не заставили меня стоять у стены в напряженном положении ".

"Старые игры?" Мадин снова кивнул одному из солдат позади Люка, и он собрался... но мужчина молча прошел мимо него и к двери камеры, приставив комлинк ко рту. Неуверенный, Люк оглянулся на Мадина, который просто смотрел с этой насмешливой полуулыбкой на лице, ожидая... Люк заставил себя дышать медленно, напрягая каждый мускул, понимая, что они специально не торопятся, играя ему на нервы. В конце концов двери распахнулись, и в комнату вошел военный медик в военной форме с аптечкой. Он остановился у стола, быстро протянул что-то Мадин, которая бросила это на стол перед ним, заперев легкие Люка в узнавании.

Это был шприц с грязно-коричневой жидкостью внутри. Мадин понимающе улыбнулась. "Тогда давайте начнем новую игру, не так ли?" Люк не отрывал глаз от шприца, пока Мадин хладнокровно продолжала. «Фармакокинетика; Imperial. Мы приготовили небольшой коктейль специально для вас. Калтер проделал большую работу над ним; можно сказать, что это его специальность. убедитесь, что это работает - что-то любезно предоставлено одним из ваших людей. SK-17; мне сказали, что это единственное имя, которое у него есть. Мадин взглянула на руки Люка на столе, сжавшиеся в кулаки. «Я вижу, что да.

А триклиптидин, который всегда был фаворитом Империи, не так ли? Калтер выбрал его с осторожностью. Калтер?» Медик сидел на третьем стуле, не глядя вверх, его голос был рассеянным, озабоченным, поскольку он расставлял инструменты своего дела на столе. "Имеет период полураспада примерно сто шестьдесят минут на дозу. Он влияет на G-белок, слепит серотониновые рецепторы и увеличивает амплитуду и время затухания тормозных постсинаптических токов.

Вызывает интенсивные психофизические реакции. Симптомы различны и включают ослабление легких. функции, нервные и мышечные спазмы, тремор, сильные судороги и судороги из-за гипоксии, переохлаждения, патологического когнитивного расстройства, искажения восприятия и утраты идентичности. Все возрастает, если реципиент находится во враждебной среде, в зависимости, конечно, от дозировки и переносимости.

Более высокие дозы могут вызвать ошеломляющие когнитивные сдвиги. Медик замолчал, прищурившись, глядя на свой прибор, больше заботясь о том, чтобы все предметы были расположены идеально параллельно, чем что-либо еще. Мадин натянуто улыбнулась.

«Это также заставляет вас говорить правду, но я предполагаю, что вы это знали; в конце концов, это имперский наркотик». Люк чуть откинулся назад, адреналин ускорил его сердцебиение, и Мадин устроился, опершись локтем о стол. "Полагаю, теперь я привлек ваше внимание?" Медик Калтер придвинул свой стул поближе к Люку, все еще ни разу не глядя на него.

Люк мельком взглянул, затем сознательно отвернулся, когда мужчина собирал венозные катетеры и старый портативный медицинский сканер. "Есть ли у вас какие-либо заболевания?" - наконец спросил медик, работая.

«Принимаете ли вы в настоящее время или есть в вашем организме какие-либо другие лекарства? Известно ли вам о членах вашей непосредственной родословной, склонных к припадкам? Известно ли вам о каком-либо члене вашей непосредственной родословной, который умер непосредственно в результате аневризма? "

Люк не смотрел; не спускал глаз с Мадина, который держал насмешливую полуулыбку на краях губ. Двое мужчин подошли сзади и прижали Люка к рукам и плечам, хотя он не сопротивлялся; прямо сейчас, в чем был смысл? Он почувствовал укол иглы тыльной стороной левой руки; почувствовал, как оно затягивается, когда давление изменилось, и катетер был закреплен.

Почувствовал, как мужчины крепко сжимают его, когда шприц с коричневой жидкостью вставляется в катетер. Почувствовал, как он распускается по его венам, невероятно теплый ... Мир сделал один медленный, тошнотворный цикл, и Люк почувствовал, как его голова слегка покачнулась, когда он медленно моргнул, наркотик пылал, как лесной пожар.

Он чувствовал, как начинает раскачиваться, пытаясь оставаться в вертикальном положении против ослабленных мускулов, чувствовать гудение, когда в его мозгу, казалось, сжималась металлическая полоса. «Дыши медленно, - безразлично сказал медик. «Не гипервентилируйте». Теперь все становилось все более отдаленным, боль в груди Люка усиливалась с каждой секундой. Задача оставаться в вертикальном положении с каждым ударом сердца казалась все труднее, и он медленно рухнул на стол, его дыхание прервалось в дрожащем вздохе, наркотики подавляли его, Медик устроился на стуле, стараясь подтолкнуть диктофон вперед и активировать его, прежде чем он заговорит.

"Может быть, мы сможем его посадить?" Тяжелые руки потянули Люка сзади, заставив его выпрямиться, так что он упал на стул, склонив голову, невероятно тяжелый, слова медика неожиданно, почти болезненно громко в его слух: «Хорошо. Ладно, мы можем начать сейчас - это сеанс. один, дата сорок пять, пятое, пятое по стандарту Корусанта ". - раздался голос Мадин, низкий и удовлетворенный - Люк больше не мог разглядеть его лицо; «Я хочу признаться в голосовой телеканале - начнем с того факта, что он был шпионом - я хочу услышать, как он сказал это вслух, красиво и ясно». "Хорошо". Медик слегка наклонился.

«Может, начнем с самого начала? Начнем с вашего имени?» Люк отвернулся, цепляясь за свою осведомленность, знакомую с этой игрой.

Его Учитель часто использовал против него наркотики, чтобы контролировать и подчинять - среди прочих, менее клинических методов. Он давно читал техники, которые позволяли вам контролировать это - какое-то время. Медик выжидающе замолчал, прежде чем сказать, в голосе которого капала неискренняя фамильярность: «У тебя есть имя, которое, как мне сказали, ты когда-то использовал здесь - Люк, не так ли?»

Люк оставался неподвижным, глядя на стол перед собой, внимательно концентрируясь на знакомом металлическом привкусе на задней стенке горла; он давно не пробовал это... он всегда ненавидел это. Мужчина слегка откинулся назад, чтобы взглянуть на Мадина, тихим шепотом произнес: «Я думаю, мы возьмем его на двадцать миллионов». Его внимание переключилось, затем снова на Люка, когда доза хлынула по его венам, вызвав непреодолимую волну тошноты и головокружения, заставив его схватиться за крюк в центре стола, на котором были связаны его руки. "Как ты себя чувствуешь, Люк?" «Устал... не могу дышать».

Он это сказал? Концентрат . "Вам будет хорошо." Опять это бездушное общение, совершенно без чувства: «Люк, тебя зовут Люк?» "Я не могу ..." "Ваше имя Люк?" «Д... нет... это было». "Вы не очень уверены?" «Я не... кажется очень уверенным». Люк повторил эти слова, скорее избегая, чем признавая. Мужчина слегка сдвинулся, от этого движения у Люка закружилась голова. "Ваше имя Люк Скайуокер?" «У меня... нет имени... я его потерял».

"Ваше имя Люк Скайуокер?" Не сводя глаз с рук, Люк слегка покачал головой. Молчание длилось долгие секунды, пока медик смотрел на него, открыто обдумывая... затем снова повернулся к Мадин: «Я думаю, мы увеличим дозу». Этот странный жар снова прокатился по Люку, заставляя его сердце биться быстрее, а голову затуманивать.

Его прерывистое дыхание было громким в ушах, как рев океана, его глаза неумолимо закрывались. Он почувствовал, как его голова на мгновение заколыхалась, от этого движения комната закружилась, яркие огни растягивали длинные размытые линии в его поле зрения, когда кто-то позади него схватил его за воротник, удерживая в вертикальном положении. Медик слегка наклонился, его кресло скреблось по твердому полу, звук скрежетал по болезненно острому слуху Люка. "Может, нам стоит попробовать еще раз; тебя зовут Люк?"

Он медленно моргнул, загипнотизированный звуком собственного затрудненного дыхания, глядя на расплывчатые, неточные черты лекаря, когда он говорил, глубоко копая в поисках решения, когда боль начала усиливаться в его груди, в висках колотились. Он мог это сделать - это была старая игра; ".....Сто." Расплывчатое лицо его инквизитора превратилось в расплывчатое нахмуренное выражение: «Что?» «Сто. Девяносто три..... восемьдесят... восемьдесят шесть.... Семьдесят девять...». Медик откинулся назад, понимая.

Некоторое время он наблюдал, как Люк пытается отсчитывать в обратном порядке, действие требует каждой унции концентрации. «Семьдесят... семьдесят два... шестьдесят пять... шестьдесят... нет, пятьдесят восемь. Пятьдесят восемь. Тогда...» "Пятьдесят один." Мужчина сказал, пытаясь перехватить ход мыслей Люка: «Тогда сорок четыре. Мы продолжим?» Игнорируй его; сконцентрироваться... «Сорок... нет... тридцать семь?»

«Тридцать семь, тридцать. Двадцать три, шестнадцать, девять, два». Следователь завершил за него ход мыслей: «Как тебя зовут? Твое настоящее имя?» Это туманное, нечеткое оцепенение окутывало мысли и эмоции, оставляя его онемевшим, головокружительным и рассеянным, и Люк знал, что ему следует волноваться, что он должен быть начеку, но ... он на мгновение

снова упал в затемнение, его тело физически тряслось от воображаемого падение, глаза широко открыты, свет болезненен.

«Я не могу дышать». Голос, который просочился сквозь него, был спокойным, тихим и совершенно лишенным эмоций: «Твое дыхание в порядке, Люк, я наблюдаю за тобой. Расскажи мне о Восстании. Ты был пилотом, верно?» Люк смотрел, воспоминания нападали на него, слишком много и слишком быстро, чтобы противостоять ему, «Икс-крыло», - пробормотал он, и образ его побитого старого истребителя интенсивно выходил на первый план его мыслей; изоленты через разрыв в сиденье пилота, неисправного канала обогрева, из-за которого его ноги всегда мерзли, изза того, что однажды ему пришлось зависнуть над полом посадочного отсека, когда техник вышел и ударил люк разблокировки передней стойки шасси с куском трубы, потому что он застрял, и он не мог сесть.

Он улыбнулся; глупый корабль ... всегда его возвращал. «Разбойники…» - сказал он рассеянно, - «Разбойная эскадрилья». «Разбойники… это та эскадрилья, в которой вы летели?» Больше воспоминаний, плотных и быстрых, не надо; не втягивайся. Отдельные моменты, вырванные из времени, теснились в нем, сломанные фрагменты без порядка и смысла; часами просидел в комнате для готовок, ожидая вылета, болтая, смеясь и играя в сабакк.

Не попадайтесь сюда. Бесконечные часы в изолированной изоляции, слушая болтовню по системе связи, когда вы дежурите в сопровождении, ничего не оставалось, кроме как смотреть на заднюю часть двигателей грузового судна и ждать неприятностей. Не втягивайся.Он вспомнил, как Тихо однажды принес X-Wing с тремя поперечными крыльями и без шасси.

Он вспомнил, как Дак случайно выстрелил Саркли в ногу. Он вспомнил неподвижность, которую они установили в комнате отдыха. Вспомнил, как Уолда вырвало в кабине, когда он выстрелил и потерял сознание, и все тянули соломинку о том, кто должен ее чистить. Не ... Вспомнил, как однажды Ведж вошел в столовую с вывернутым наизнанку летным костюмом, он так устал.

Вспомнил, как Мадин разжевывал его за то, что он бежал по хорошо защищенной оружейной щели… Мадин… Не понимаю… но моменты требовали того, чтобы их услышали, чтобы их почувствовали, и он падал среди них, тошнотворный, с колотящимся сердцем, сжимаясь в груди. Всплыло воспоминание, выдвинутое на первый план тем же чувством тошноты и головокружения; бочонка в атмосфере, призрак на хвосте.

Слишком крутой поворот корабля при оттягивании, перегрузки на угловой скорости после почти сваливания крена толкают его тело слишком близко к пределу выносливости; про холодную, просачивающуюся тошноту, медленное сужение его зрения и уверенное знание, что призрак все еще здесь, с каждым выстрелом все ближе. Шесть быстрых выстрелов, которые поразили призрака, и другие, неизвестные выстрелы, взорвавшие его и превратившие его в пылающий жар, в тот же момент, когда X-Wing Веджа закричал над головой, достаточно дерзко, чтобы сделать победный бросок даже в середине собачьего боя.

«Клин», - громко сказал Люк, улыбаясь. "Клин?" Нежелательный голос, запечатлевший воспоминания Люка, сделал это имя вопросом, и Люк смутно подозревал, что не должен отвечать, но не мог вспомнить почему. «Ведж Антиллес», - прошептал он, и имени своего старого друга было достаточно, чтобы он улыбнулся. "Пилот?" Голос подсказал: «Такой пилот, как ты?» "Как я." Эта извилистая смесь облегчения, избавления и адреналина снова вспыхнула внутри него, когда Люк улыбнулся при воспоминании о том, как X-Wing Ведж вырвался из яркого крена элеронов, и Люк усмехнулся; громко рассмеялся. «Он проделывает еще один такой трюк посреди драки, и я разорву его задницу до ведомого». "Вы помните Клин?" -

спросил голос. Не втягивайся… Люк нахмурился, предупреждение потерялось в потоке вспыхнувших воспоминаний: «Да».

Он мог видеть его абсолютно; его дерзкая ухмылка, его бесконечная уверенность - краткое размытое изображение Веджа, неровно сутулящегося в кресле напротив него в то время, когда он пил Люка под столом для пари. Я могу вспомнить, как они оба сидели на полу в разных кабинках на следующее утро, чувствуя себя зелеными и хрупкими, слишком плохо изношенными, и молились, чтобы они не подняли тревогу. Он улыбнулся воспоминаниям;

Клин… Этот голос снова заговорил: «Клин знал, кто ты, Люк?» Люк нахмурился, замешательство затуманило воспоминания… Почему было так трудно дышать? "Какая?" «Ведж; он знал, что вы имперский шпион, или вы никогда не говорили ему, что вы шпион?» Не втягивайся . Смятение и воспоминания улетучились, но тошнота осталась; химический привкус в горле. Люк повернулся, чтобы посмотреть на голос и на человека, который медленно собрался вокруг него. «Не… шпион». Он извлек эти слова из смутных мыслей, глядя на мужчину:

«Не шпион». Эта голова наклонилась, распадаясь на несколько изображений, когда она терялась перед нечетким видением Люка: «Это неправда, не так ли? Ты был шпионом, дело в том, что ты просто не говорил людям… ты говорил людям, что ты шпион Люк. , или вы скрыли этот факт? " Люк моргнул, углубляя это знание, эту решимость в свои мысли, вспоминая, где он был, что было поставлено на карту, изо всех сил пытаясь вдохнуть, чтобы не дать горящим легким и ноющим ребрам. Не втягивайся. «Не шпион». «Да, был. Все, что тебе нужно сделать, это сказать это хотя бы раз, и нам больше не нужно об этом говорить.

Ты хочешь, чтобы это прекратилось, Люк?» Реальность, холодная и жесткая; его грудь сводила судорогой от простого дыхания, его мышцы горели, его сердце колотилось с каждым фунтом. "Все болит…" «Это наркотики, Люк… но мы можем остановить это, нет проблем. Так было бы лучше, не так ли?» "Да…." «Тогда это очень просто ... просто скажи, что ты был имперским шпионом. Всего один раз, и все это прекратится. Это очевидно, не так ли?

Очевидно, что тебе следует делать. И это так легко. Здесь только ты и я, Люк. . Просто скажи мне, что ты был шпионом? " Голос Палпатина доносился из ниоткуда, соблазняющим тоном, настолько кристально чистым, что его можно было поставить на плечо Люка: «Здесь только ты и я; неужели это так ужасно встать на колени?» «Я не могу - не могу». «Люк, я не могу прекратить употребление наркотиков, пока ты не скажешь, что был шпионом. Это невозможно, ты понимаешь? Это будет продолжаться, пока ты не скажешь этого.

Ты хочешь, чтобы это продолжалось?» Люк попытался покачать головой, от этого движения под его кожей загорелись шипящие взрывы, мускулы дрожали, мучительно. "Сколько минут?" Вероятно, ему не следовало спрашивать об этом вслух. "Сколько минут сейчас?" «Сколько минут? Не долго. Нам еще предстоит пройти долгий путь, Люк… и я всегда могу ввести еще одну дозу». «Больше никаких доз… никаких доз в…». он изо всех сил пытался вспомнить, факты ускользали от него. «Часы. Двенадцать часов….

Двенадцать часов…» «Теоретически. Но мы знаем, что ваши имперские следователи снова используют наркотик примерно через три часа после этого». Шипы далекого осознания острыми как бритва вонзились в его сознание, гнев придал им силу: «Нет… незаконно. Теперь незаконно. Изменилось…» «Только не так, разве это не правда? Тепер Сделайте то же самое. Отдохните, перекусите, немного расслабьтесь - я знаю, что сделаю это, когда выйду отсюда. Тебе ... тебе может быть немного сложнее, что с парнями позади тебя, приходящими каждые несколько часов чтобы убедиться, что вы не спите.

Я сказал им, что меня не особо беспокоит, как они это делают. " Люк медленно моргнул, не отвечая, все еще изо всех сил стараясь дышать в течение нескольких часов после того, как лекарство было израсходовано. Снова голос Мадин, неестественно громкий. «Тебе следует сесть». Кто-то поднял Люка за шиворот, вызвав резкий беззвучный вздох, его горло было слишком сухим, чтобы говорить.

Неизвестная рука отпустила его, и он сразу же начал падать, но она схватила его и снова вытащила прямо, тряся его, связки на его запястьях грохотали в ловушке, пока Люк не принял свой вес. Мадин сидела перед ним неподвижно. «Знаешь, я думал о том, что ты сказал ... может быть, несколько часов простоять прямо и красиво сделают целую галактику; дадут тебе время подумать, да?» Люк не ответил. Опустив глаза, несколько раз моргая, его тело слегка покачивалось от наркотиков и истощения, он был, по сути, лишь наполовину. Фактически, он пристально смотрел именно на то, что ему было нужно, небрежно лежащее на столе перед ним, вне досягаемости его связанных рук.

Мадин уже вставал, один из солдат выступил вперед, как они всегда делали, чтобы освободить связанные руки Люка из защелки в центре стола, даже не снимая с него наручников, в то время как другой начал пинать свободную цепь, которая тянулась от наручника. Лодыжка Люка снова повернулась к койке, готовый привязать ее, движение скользило металлическим краем о корявую кожу. Взгляд Люка оставался прикованным к столу; на стилусе, и на вокодере, и на двух пустых шприцах, которые на нем лежали, все это было вне его досягаемости.

Он не мог придумать другого способа добраться до них; может быть, если бы он был немного острее, он бы... но этот шанс может и не представиться снова, и через несколько мгновений Мадин уберет их со стола, и даже этого не будет. Это будет больно, он это знал. За это он заплатит. Но он мог придумать только один способ получить желаемое с этого стола. Когда солдат освободил свои запястья, Люк вскочил на ноги, все еще связанные руки откинулись назад, чтобы нанести неуклюжий боковой удар локтем в лицо мужчине, целясь в нос, зная, что это заставит его пошатнуться. Он был слабым и нескоординированным, но он вошел в контакт, и когда человек отшатнулся назад,

Люк сделал широкое, быстрое движение, чтобы сметать все со стола с такой силой, с которой он мог собрать, содержимое рассыпалось, корпус диктора разлетелся на землю. твердый пол, прежде чем Люк схватился за угол стола обеими руками и, оттолкнув его, бросился на Мадина, сумев схватить его за царапины, когда здоровяк отступил, вскинув руки в удивлении. Связав запястья, Люк сделал единственное, на что был еще способен; он дернул Мадина и резко ударил головой вперед, заставив себя пошатнуться, Затем его ноги вытащили из-под него, солдат, который собирался приковать лодыжку обратно к каркасу койки, хватило духа просто потянуть за цепь, мгновенно уронив Люка, без защиты.

Он перекатился, когда упал, острые осколки разбитого чемодана голосового диктора вонзились в его летный костюм, когда он катился по ним, замахиваясь связанными руками, опасаясь, что они оглушат его, и это было бы напрасно, его глаза были прикованы к нему. его цель - Через несколько секунд он получил удар сзади, достаточно сильный, чтобы он увидел звезды. Люк свернулся калачиком, дыхание перехватило его, хотя он не кричал; он никогда не кричал. Годы с Палпатином научили его этому.

«Поднимите его сюда! Верните его сюда!» Люка затащили обратно на стул, еще один тяжелый удар по почкам скрутил его, заставив снова задохнуться, согнувшись пополам, когда они дернули его за воротник и за волосы. Он поднял глаза и увидел Мадина с окровавленным носом, настолько плохим, что он уже забрызгал эту идеально отглаженную униформу - и он не

мог сопротивляться этому. Люк знал это, но не мог сопротивляться; - ухмыльнулся он, все еще задыхаясь, затаив дыхание. - Посмотри на это, генералы тоже истекают кровью.

Мадин шагнул вперед, и, удерживаемый двумя солдатами позади него, Люк мало что мог сделать, даже в защите. . Ярость иссякла, Мадин попятился, мускулы его спины и рук все еще были напряжены от его нападения, тело Скайуокера теперь расслабилось, поскольку он давно упал на пол под ударами. Мадин уставился на него, тяжело дыша, все еще сдерживая свои мысли. «Здесь нам нужно немного скоординированных действий; Денсан, где это кольцо, которое он носил?» Солдат поднял глаза, все еще затаив дыхание: «Не знаю, думаю, Коули это принял». «Убери это от него. Принеси сюда. Тинель, иди, возьми диктофон».

Денсан вернулся через десять минут и протянул кольцо с синим камнем Мадин, которая забрала его и небрежно пнула все еще находящегося без сознания Скайуокера. "На каком пальце он это носил?" «Мизинец левой руки». - сказал Денсан по памяти. Мадин присел перед Скайуокером, изо всех сил пытаясь вернуть кольцо на ослабленные пальцы, прежде чем повернуться к Тинелю. «Возьми голографию - возьми его лицо и кольцо. Больше ничего не вставляй». Рядом с ним Тинел включил диктофон, медленно шагая ближе.

Мадин протянул руку, когда мужчина подошел ближе, ногой перевернув все еще находящегося без сознания Скайуокера на спину, его лицо теперь было залито кровью, ужасающие раны были очевидны. Протянув руки, он изо всех сил пытался вытащить кольцо с синим камнем из упорных пальцев Скайуокера, теперь скользких от крови. "Понял." Вы хотите, чтобы я прикрепил к нему заявление? " «Да, но пока не выкладывай это». Обернувшись к Денсан, Мадин протянула кольцо. «Вот. Ты собираешься сделать особенную доставку - и я хочу точно знать, когда она прибудет».

рискуя выезжать за пределы запрещенных маршрутов. В общей сложности мы исключили из нашего поиска около пятидесяти систем, но область поиска быстро увеличивается по мере увеличения радиального расширения от Квенна, поэтому мы предлагаем меры по изоляции местных и планетарных сил во главе с военным командованием для наблюдения. и поддерживать расчищенные территории ». «Использование местных правоохранительных органов вызовет слухи». - сказала Мара.

«Я не понимаю, почему это проблема». Кирия Д'Арка сказал это, сводя взгляд с Мары, которая только что насторожилась, учитывая ее собственное состояние. Императрица с обычным упорством продолжала посещать все собрания, включая COS. Тем не менее, факт заключался в том, что до настоящег же самое в отношении воинских частей. и людские ресурсы, как и командующий Арко. Если мы хотим сохранить этот темп, нам нужны ресурсы для этого ».

Мара поджала губы, все взглянув на нее. С детства ее учили думать на ногах и с военной точки зрения, поэтому знание того, что было необходимо, было для нее совершенно ясно. Но теперь ей нужно было принять во внимание политический и гражданский ландшафт, и это мутность воды была давлением, в котором она не нуждалась. Но они, наконец, взяли верх над проблемой и исключили огромные участки пространства из своих исследований, и она не стала препятствовать или останавливать это сейчас.

"Сделай это." - сказала наконец Мара. «Я должен предупредить вас, мэм, что через три дня у нас закончится достаточное количество Интердикторов, чтобы гарантировать полное покрытие с точки зрения ограничения скоростного движения в очищенных районах». - серьезно сказал Джосс. Мара повернулась к Арко, которому была поручена эта проблема, когда успех непрерывных поисковых схем начал заставлять ее вырисовываться.

"Мы изолировали в общей сложности сто семь корпоративных интердикторов, и это все, что мы можем отследить в настоящее время. Ни один из них не является военным, и всем им понадобится звездный разрушитель, чтобы сопровождать их, но они будут эффективно позволит нам гарантировать безопасность проверенных систем еще на три дня при нынешних темпах расширения ". - решительно сказал Арко, не сводя глаз с собственной автомемки.

«После этого мы рассматриваем альтернативные мобильные гравитационные скважины и платформы, особенно для использования на космических трассах, плюс мы работаем над системой стратегического размещения, которая позволит нам освободить некоторые военные перехватчики из исходных систем, которые были очищены на основании того факта, что окружающие системы теперь также будут содержать интердикторы ".

«Когда будут на месте задержанные интердикторы?» «У нас уже есть девяносто, и мы направляемся к предполагаемым постам. Остальные будут двигаться к завтрашнему дню. У нас есть шестьдесят из двухсот возможных гравитационных скважин в движении с использованием различных требуемых транспортных средств, но для нескольких систем потребуется более одной чтобы обеспечить такое же покрытие, какое может обеспечить военный Interdictor ».

Мара встала, весь ряд CIC стоял, пока она это сделала; она никогда к этому не привыкнет. «Тогда, я думаю, на сегодня мы закончили, джентльмены. Обновите завтра в шестьсот шестьдесят седьмого. Отдохните или получите результаты и принесите кого-нибудь к столу.

Спасибо». . Выходя из Военного зала, Мара в сопровождении Натана, еще раз напомнила о постоянном разочаровании Люка из-за того, что он не проводит больше времени на передовой с войсками; в душе он всегда был деятелем, солдатом на передовой, и хотя его способность добиваться успеха легко переросла в лидерство, это не оставило его менее разочарованным ограничениями своего собственного положения, просто как это было с Марой прямо сейчас. Все, что она сделала сегодня, было организовано.

Она могла заниматься организацией; могла делать это с закрытыми глазами, но это не было ее сильной стороной, и с каждым днем она все больше и больше расстраивалась. Натан подошел к ней, и Мара заговорила, не потрудившись повернуться: «Натан, если ты спросишь меня, ел ли я за последние три часа, я причиню тебе физический вред. Может быть, сломаны кости».

«Вы знаете, что вам нужно есть мало и часто». - сказал худощавый медик, стараясь не слышать голоса. «Итак, что, - сказала Мара, - ты прочитал одну статью о беременности и теперь ты ведущий эксперт?» «На самом деле я прочитал девять статей, что, я думаю, на девять статей больше, чем вы, так что да, я здесь». - сказал Натан с оскорбленной гордостью. Он наконец нашел некоторые лекарства, чтобы помочь Маре с тошнотой сегодня днем, которая на короткое время сделала его ее героем. Потом началось нытье; она ела? Когда? Какая? Сколько? Было ли это сбалансировано? Ей нужен был отдых? Как она себя чувствовала, нужно ли ей что-нибудь? Обладая чем-то полезным, на чем можно было бы сосредоточить свои способности и внимание, он, казалось, вновь обрел ту же смесь невротического беспокойства и пренебрежительной уверенности, которой он всегда так неподражаемо жонглировал. С того момента они оба знали о беременности Мары, Натан явно взял его на борт , что в отсутствии Люка, он будет одним ответственным.

http://tl.rulate.ru/book/50172/1288427